

An illustration of a woman in a grey uniform, wearing a cap and a fringed skirt, holding an open box containing various mineral specimens. The background is a light blue gradient.

МИНЕРАЛЬНАЯ ПЫЛЬ

voidwithsparklz voidwithsparklz

Минеральная пыль

<https://litres.ru/74079158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даже обточенный до костей рамками служебного устава и оснащённый по последнему слову технологий, человек остаётся человеком. Оникс, (второй) лучший из дополненных солдат в прямом подчинении Матери Народа, убедился в этом на собственном опыте.

А началось всё с такой мелочи: назначения нового врача и её странных методов борьбы с нарушениями сна.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

voidwithsparklz

Минеральная пыль

Глава 1

Той ночью снова не спалось. Я очень хотел уснуть и не мог. Шум в голове никак не затихал. Я весь извертелся, потом вскочил с кровати и принялся ходить из угла в угол. Я не мог от этого устать, надеялся, что так хотя бы шум станет тише. Но мне не помогло, и в итоге ничего не оставалось делать, кроме как пойти к Лиэм.

Идти было недалеко. По ночам она всегда дежурила в кабинете в конце того же коридора, куда выходила моя комната отдыха.

Когда дверь кабинета отъехала в сторону, я увидел, что Лиэм спит за столом, положив голову на руки. При моём появлении она выпрямилась, потёрла глаза и включила настольную лампу.

— Что случилось? — Её голос звучал хрипло.

— Не могу уснуть, — ответил я. — Отпиши мне транквилизаторы, пожалуйста.

Я подошёл к стеллажу с лекарствами. Знакомой упаковки на обычном месте почему-то не было. Уведомление о выписанном рецепте тоже пока не приходило. Я обернулся и уви-

дел, как Лиэм хмурится, глядя на меня.

— Это будет уже четвертый раз за неделю, — сказала она.

— Ты превышаешь лимит.

— Я знаю.

— Нужно стараться засыпать самому, — продолжила она.

— Транквилизаторы в таком количестве со временем снижают отклик дополнений.

— Я не могу уснуть, — повторил я. Это был максимальный уровень дискуссии, который я мог тогда поддержать. — Ты здесь, чтобы помогать мне. Сделай что-нибудь.

Лиэм немного подумала, затем поднялась с места.

— Давай попробуем кое-что, а потом уже, если не работает, я всё тебе выпишу.

Я кивнул. Всё равно. Лишь бы уснуть наконец.

Мы вышли из кабинета — Лиэм, уходя, оставила белый халат на стуле, — и вместе с ней я вернулся в свою комнату.

— Ложись на бок, — сказала Лиэм. Я лег и закрыл глаза. Шум в голове тут же стал сильнее, и из-за него я не услышал, что сделала Лиэм — только уже в моменте почувствовал, как она забралась на кровать следом за мной, легла сзади и обняла меня рукой.

Это было... странно. Одновременно явное нарушение субординации и как будто бы попытка её соблюсти. В том, как Лиэм меня коснулась, было что-то отчужденное. Не забота, не привязанность. Без слов читалось, что она просто пытается выполнить свою функцию как мой личный врач, пусть

и крайне нестандартными методами.

Я не ожидал, что они окажутся настолько эффективными. От транквилизаторов в голове всё затихало, как будто кто-то щелкал воображаемым выключателем. Сейчас шум остался, но меня окутало такое тяжёлое, непроницаемое успокоение, что шум вытеснило на второй план. Я выдохнул, тело наконец расслабилось.

Я уснул почти сразу и проспал семь часов двадцать девять минут.

Когда я проснулся, я был один. Лиэм уже ушла. Мы не стали ничего обсуждать, не считая её ремарки на утреннем осмотре о «хорошем результате сна, тем более, без помощи медикаментов».

Следующей ночью я смог уснуть без них. Воспоминание о том, как Лиэм меня обняла, было достаточно ярким, чтобы успокоиться. Вот только сразу после утреннего осмотра меня отправили на зачистку. Там был лагерь с независимыми гражданскими, мы не стали тратить время и разбираться, спрятался ли среди них кто-то из Альянса, просто устранили всех. Ещё до возвращения на базу я понимал, что ночь меня ждёт сложная. К вечеру шум в голове стал громче, слишком похожим на крики. Я опять проворочался полночи, прежде чем пойти к Лиэм.

— Ты можешь ещё раз сделать, как позавчера? — спросил я с порога. Лиэм сначала заморгала, потом кивнула.

— Надеюсь, у тебя не будет из-за этого проблем, — сказал

я, пока мы шли по коридору к комнате отдыха.

— Я отчитываюсь напрямую Мору Касе. Для неё важнее всего результат, — Лиэм покачала головой. — Да и ничего такого, на самом деле, тут нет. Безопасный физический контакт полезен для психики.

«Ничего такого» действительно не было, и довольно долго. Но, наверное, это не могло не случиться. Я имею в виду, грань начала размываться всё сильнее. Сначала вы и впрямь просто лежите, настолько профессионально безразличные друг к другу, что почти неловко. Потом, когда одно и то же повторяется несколько ночей подряд, вы привыкаете к присутствию друг друга в такой нестандартной обстановке. Вы немного расслабляетесь. Объятие становится чуть крепче.

Когда засыпать вместе окончательно стало рутинной, я спросил:

— Можно мне тебя сегодня обнять?

Я ощутил, как напряглось тело Лиэм.

— Зачем? — Голос у неё был спокойным. — Это неуместно.

— Да, ты права. Извини.

Я попытался вспомнить, когда в последний раз обнимал кого-то, но не смог. Самое близкое, что было — два месяца назад я успокаивал одного новичка. Он прошёл посвящение в Асигнати и получил свои глаза буквально днём ранее, отправился в отряде на задание, куда приписали и меня. Видимо, тренировали новичка плохо, раз он вылез из укрытия

в самый неподходящий момент. Его нашпиговали пулями, как манекен на стрельбище. У нас хорошая медицина, но тут шансов не было. Объяснять ему, что он сделал не так, уже не имело смысла. Он лежал на земле и плакал, как ребёнок. Я наклонился к нему, взял за руку, сказал, что он молодец и мы его подлатаем, а сейчас ему нужно поспать. Даже вколол ему промедол и надел маску с усыпляющим газом, стандартная процедура перед транспортировкой раненых к медикам. Мне кажется, я был достаточно убедителен. Рядом была еще одна новенькая, и она поверила. Так удивилась, когда я снял с него маску и приказал отправить тело к остальным.

От этого воспоминания в голове зашумело сильнее. Даже объятие не помогло. Я сел в кровати и попросил всё-таки выдать мне транквилизаторы.

С того момента Лиэм перестала со мной спать, а я перестал об этом просить. Я не научился стабильно засыпать сам. После нескольких ночей подряд с показателями длины сна меньше двух часов транквилизаторы мне стали выписывать на постоянной основе. Побочные вещества накапливаются не за один день, а отдых слишком важен. Бессонница намного сильнее бьёт по контролю над дополнениями.

Так продолжалось почти две недели, пока на очередном вечернем осмотре Лиэм не сказала:

— Мы могли бы вернуться к нашим... сессиям безопасного физического контакта. Если есть такое желание.

Я поднял брови. Естественно, будь это исключительно её

инициатива, Лиэм бы не предложила. Указание сверху уже больше похоже на правду. Я редко пересекался с Мору Касой Асигнати, но образ мышления человека на её позиции понимал. Максимальная эффективность и минимум затрат, даже если со стороны рабочей этики решение сомнительно. Да, она вполне могла посмотреть на показатели сна, расход медикаментов и поручить Лиэм возобновить то, что до этого работало.

К чему тогда та часть про желание? Желать или не желать — это не ко мне. Моя работа — выполнять приказы и ответственно относиться к своему телу и здоровью, потому что и то, и другое принадлежит не мне. Если есть лучшее средство, надо его использовать.

— Да, давай попробуем снова, — ответил я. — Сегодня?

— Сегодня, — кивнула Лиэм. — Только давай сразу проговорим, что формат будет всегда один и тот же.

— Хорошо.

Да, в самом деле хорошо, когда тебе известны все правила и границы. Избавляет от сомнений, от лишних вопросов, а они, между прочим, порой тоже мешают спать. Теперь, куда бы меня ни отправляли — будь то зачистка, диверсия, тренировка новичков, обслуживание дополнений или что-то иное, — я знал, что по возвращении в комнату отдыха я и правда отдохну.

Но грань снова начала размываться. Теперь уже не так, как в прошлый раз, и при этом точно так же. Мы стали раз-

говаривать перед сном.

Началось с того, что Лиэм пожелала мне спокойной ночи. Было такое ощущение, что у неё это вырвалось случайно. Я тогда уже почти уснул и ничего ей не ответил. Следующей ночью я спросил, стоит ли мне желать спокойной ночи ей, если она не проспит здесь до утра. Лиэм помолчала и пожала плечами:

— Это вполне нормально, почему нет. Все врачи и младший персонал так друг с другом прощаются, а спать сразу после этого мало кто идёт, если честно.

— Тогда спокойной ночи, Лиэм, — сказал я.

— Спокойной ночи, Оникс.

Перед тем, как уснуть, я думал о том, что семьдесят три штатных медицинских сотрудника сегодня между собой проговорили эту же фразу и давно разошлись по разным частям комплекса. Кто-то пошёл спать, кто-то продолжает работать, кто-то отдыхает и бодрствует. Я могу распознать лицо каждого из них, в моем реестре биометрии указано, какую функцию этот конкретный человек выполняет на объекте. Все они, так или иначе, работают со мной — надо мной. При этом я ничего не знаю о том, что они делают помимо выполнения своих обязанностей. Я даже не задумывался, должно ли меня это интересовать или нет.

Наутро, после осмотра, мне позвонила Мартика. У всех Асигнати чипы запрограммированы принимать её звонки автоматически, и в тот момент я сидел в столовой и жевал

что-то, не помню, что именно.

— О, приятного аппетита, Оникс! — рассмеялась она. — У меня тут выдалась минутка, решила поболтать. Как твои дела?

— У меня всё хорошо, спасибо, — ответил я. До сих пор было неуютно разговаривать с ней без официальных титулов. Госпожа вождь сама сказала называть её по имени в личных беседах, и я, конечно, подчинился, хотя это ощущалось неправильно.

— Я подумываю над тем, чтобы прилететь к вам. Не в ближайшие дни, но в перспективе. Давно я не была в ваших краях, — сказала Мартика. — Так, для профилактики, чтобы вы от рук не отбивались.

Она говорила весёлым, лёгким тоном, и я тоже улыбнулся.

— Мы будем ждать с нетерпением.

— Ну конечно же, будете. Слушай, а как там твои проблемы со сном, всё ещё продолжают?

Никогда не поверил бы, что Мартика не читает рапорты о моём состоянии хотя бы пару раз в неделю. При всей её загруженности, я знал, как она относится к "драгоценностям".

— Сейчас стало намного лучше. Нам удалось найти новое решение. Кажется, работает хорошо.

Я услышал, как Мартика вздохнула.

— Не увлекайтесь экспериментами. Я уже сказала Мору Касе, если нужно, пусть просит новый материал для исследований, у нас военнопленных предостаточно для этих це-

лей. А для тебя самое главное — стабильность.

— В последнее время я ощущаю больше стабильности, — сказал я. — Мартика, а ты много знаешь о людях, которые обычно находятся вокруг тебя?

Госпожа вождь усмехнулась и что-то отпила. Её любимый виски, вероятнее всего.

— О-о, звучит так, как будто ты узнал об очередном покушении вперёд меня.

— Нет, мне просто любопытно.

— Ты имеешь в виду, часто ли я интересуюсь их личной жизнью? Скорее да, чем нет. Это полезно. Позволяет успешнее общаться, более эффективно распоряжаться, так, чтобы до человека быстрее доходило. Почему ты решил спросить об этом?

— Я почти ничего не знаю о людях на Южной базе вне их служебных функций, — ответил я.

— Ну, попробуй узнать в свободное время, — сказала Мартика. — Только будь готов, что не пойдёт легко и безболезненно. Они все тебя боятся, в большей или меньшей степени, и не зря. Не забывай об этом. Ладно, мне уже сто раз пора... Удачи, Оникс!

Я тоже пожелал удачи, но госпожа вождь уже отключилась.

Вечером, лежа в кровати, я сказал Лиэм, что хочу задать вопрос. В прошлый раз, когда я резко отошел от нашей с ней рутины, это оказалось ошибкой. Теперь я был осторожнее.

— Спрашивай, конечно, — отозвалась Лиэм.

— Что ещё вы обычно делаете, кроме того, как желаете друг другу спокойной ночи?

— Что? — переспросила Лиэм. Я подумал, что меня плохо слышно, аккуратно перевернулся на спину, чтобы не придавить её ненароком, и повторил вопрос.

— Я услышала и с первого раза, — сказала Лиэм. — Просто не понимаю, о чём ты спрашиваешь.

— Что вы делаете на протяжении дня, помимо работы? — перефразировал я.

Лиэм помолчала и слегка растерянно сказала:

— Ну, для начала, мы завтракаем.

— Все вместе или каждый по отдельности?

— Все вместе, в столовой. У нас есть время, к которому мы должны прийти.

— Что будет, если вы не успеете?

— Да ничего, по сути. Столовая закрывается до обеда, а в автоматах... цены кусаются.

Оказывается, я жил по исключительным правилам даже в таких мелочах. Я всегда ел один, и в столовую мог прийти, когда сочту удобным. Что до вендинговых автоматов, я никогда не обращал внимания на то, что еда в них чего-то стоит. Если в столовую было не по пути, я просто подходил к одному из них, выбирал, что понравится, после чего сканер считывал моё лицо, автомат загорался надписью «ПРИЯТНОГО АППЕТИТА, ОНИКС», а я получал свой рацион

для органической части.

— Если ляжешь спать сейчас, успеешь хорошо выспаться, — сказала Лиэм. Какой деликатный выбор слов. Думаю, без фильтра тактичности звучало бы примерно так: «ляг как положено и не мешай мне делать мою работу».

Перед сном я нашёл в файлах регламент с расписанием столовой для персонала комплекса. Да, отдельным пунктом значилось, что «дополненный человек 6599M03 «Оникс» имеет право свободного посещения зоны приёма пищи и должен быть по первому требованию обеспечен продовольствием из доступных опций».

Я мог поставить будильник и проснуться к завтраку. Тогда я приду и поем вместе с остальными. Что мне это даст? Ничего. Незачем урезать себе часы сна. Кроме того, потакание этому импульсу скорее вызовет неудобство. Когда я встречал персонал в коридорах, они часто оживленно болтали или смеялись друг с другом. Стоило заметить меня, они тут же замолкали. Младшие сотрудники делали легкий поклон, хирурги и биотехники, которым часто приходилось копаться в моих внутренностях, кивали головой. Разговоры и смех возобновлялись, когда я проходил дальше. Мартика права: сотрудники комплекса в основном побаиваются меня, им будет не по себе, если я вот так приду и сяду вместе с ними завтракать.

Когда я проснулся, первым делом заметил, что Лиэм всё ещё здесь. До этого она ещё ни разу не задерживалась со

мною до утра. Возможно, проспала будильник.

Во сне Лиэм отвернулась от меня и сжалась, в комнате было прохладно. Если она так спала всю ночь, то может простыть. Я достал из шкафа покрывало и укрыл её. Потом я ушёл принять душ, а когда вернулся, Лиэм уже проснулась. Оказалось, в полусне она ночью выключила будильник и заснула дальше, в целом, как я и предположил.

— Тебе пора принять стабилизаторы, так что сейчас сначала позавтракаешь. И вот наш утренний осмотр плавно перетекает в дневной, — покачала головой Лиэм. — Ещё и завтрак пропустила.

— Есть автоматы, — напомнил я.

— Да, конечно, — Лиэм со вздохом подошла к зеркалу и пригладила растрепавшиеся волосы.

— Это слишком дорого? — спросил я.

Лиэм открыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала.

— Не беспокойся об этом. Голодной не останусь.

— Тебе не нужно говорить мне, о чём нужно или не нужно беспокоиться. — Прозвучало слишком резко, так что я смягчил тон: — Ты бы не пропустила завтрак, если бы не помогала уснуть мне. Будет честно, если я тебя угощу.

Отказываться она не стала.

Шестнадцать минут спустя мы сидели у окна напротив торгового автомата и завтракали, в полном молчании. В ярком солнце светлые волосы Лиэм отливали почти стериль-

ной белизной. На круглом столе, помимо наших завтраков и блистера с коллекцией моих разноцветных таблеток, стояло ещё несколько запаянных контейнеров. Я сразу взял для Лиэм обед. Его ей тоже предстояло пропустить, поскольку утренний осмотр сдвинулся во времени.

— Кстати, приятного аппетита, — сказала Лиэм посреди рыбного стейка. — Это мы между собой тоже обычно друг другу говорим.

— Спасибо, и тебе. Я знаю, забыл сейчас сказать.

Раньше, до того, как меня отправили сюда, мы с Мартикой обычно ели вместе. Завтрак, обед, ужин. Она всегда желала приятного аппетита. Ещё иногда при этом залпом выпивала стакан виски, в шутку оправдываясь, что без этого её аппетит не будет по-настоящему приятным.

Я почти доел, когда перед глазами замелькало уведомление. Новое задание, срочно.

Лиэм заикнулась было об осмотре, но я сказал, что сейчас уже некогда. На бегу я подписал разовый отказ от ежедневного медицинского освидетельствования и отправил ей.

Задача, хоть и срочная, казалась рядовой. Конвой группы с материалом для Кормящих Машин. Такие миссии практически всегда означают боевое столкновение. Никогда не пойму, что движет солдатами Альянса, когда они видят меня — или любого другого дополненного Матери Народа — в качестве сопровождающего и всё равно решают атаковать. Очевидно, принцип работы Кормящих Машин их ужасает

сильнее, чем мы, но шансы на успех атаки от этого всё равно не повышаются.

В этот раз Альянс изменил тактику. Вместо того, чтобы попытаться спасти транспортируемых, они вскрыли контейнеры и подорвали всё, что успели, прежде чем я их остановил. Два контейнера уцелело, но содержимое всё равно было испорчено. При консервации человеческих единиц, предназначенных Машинам, создаётся стерильная среда, и такое грубое её нарушение приводит к гибели консервата.

Поставка была полностью сорвана. Достаточно крупная, четыреста девять единиц, и из них в Машины не попадёт ни одна.

Я вернулся на базу, заполнил большой рапорт, прикрепил к нему снятую с глаз запись боя и отправил аналитикам, поставив в копию Мартику — стандартная отчетная процедура. Почему-то было особенно неприятно смотреть на безмолвную пометку «прочитано» от госпожи вождя. Я не привык отчитываться о неудачах. Наверное, я её разочаровал. Справился бы кто-то другой лучше на моём месте? Обсидиан или Ртуть — возможно. Малахит — тяжело сказать, временами она пока ещё страдает от спешки и самоуверенности. Асбест — скорее всего, да. Я пересмотрел запись боя несколько раз и нашёл места, где сосредоточился не на том, где мог бы сработать быстрее и чище. Ладно, подождём, что скажут аналитики, и тогда оценим полную картину.

Когда я закончил с отчётом, в голове помимо шума воз-

никла ещё и боль. Плохо. Так быть не должно.

Свет ламп стал резать глаза. Я попытался выключить их, но, видимо, нейроинтерфейс послал неверную команду, и они вспыхнули ещё ярче. Одно за другим полетели сообщения о критических ошибках дополнений. Я упал на колени, попытался прикрыть лицо от ужасного жгучего света, но руки меня не слушались, хаотично молотили воздух. Пальцы сами сжимались и разжимались, словно пытались ухватиться за что-то.

Дверь в комнату распахнулась, я услышал голоса людей. Не помню, кто именно за мной пришёл. Система аварийного мониторинга сигнализирует всему медперсоналу, а я тогда не мог распознать ни одного лица.

Темнота не наступила — или, точнее, я её не помнил. Только что я корчился в судорогах на полу комнаты отдыха, а потом сразу ощутил себя лежащим где-то. Вот тут уже было темно. Я пытался поднять веки, но не мог понять, получается или нет, чернота не исчезала. Вероятно, мне отключили оптику, чтобы случайно не перегрузить нервную систему зрительной информацией. Зато у меня остался слух, и в короткий момент сознания я услышал, как незнакомый мужской голос говорит:

— ...на ноги, будет твой солдатик как новенький. Даже лучше. Но если честно, Мартика, я всё не могу понять, как Альянс додумался до звукового шифра. Эти варвары никогда...

Потом я опять провалился куда-то глубоко, где меня уже не было.

Когда я снова вернулся в сознание, глаза открыться получилось. Я лежал и смотрел на Мартику Асигнати, склонившуюся надо мной. Длинные черные волосы щекотали мне щеку. С нашей последней реальной встречи госпожа вождь совсем не изменилась, даже серое военное платье под белым халатом было то же, что и всегда.

Всем Асигнати после присяги устанавливают оранжевые глаза, наш главный символ отличия. Есть что-то успокаивающее в прямом зрительном контакте, когда и у тебя, и у человека напротив совершенно одинаковое наполнение глазниц.

Отстранённое безразличие на лице Матери Народа почти сразу сменилось широкой улыбкой.

— С возвращением, Оникс.

Глава 2

— Привет, — ответил я.

В общей сложности я проспал девять дней, шестнадцать часов и сорок три минуты.

— Как самочувствие? — спросила Мартика.

— Нормально.

— Речь присутствует, это хорошо, — сказал другой голос.

Мору Каса Асигнати стояла у окна со скрещенными на груди руками. Рядом с ней, на стуле, с планшетом в руках, сидела Лиэм. — Оникс, тяжело говорить?

Я утвердительно моргнул. На самом деле, знакомое ощущение: однажды мне поставили неподходящий по мощности ускоритель в спинной мозг, и я буквально не мог сказать больше двух слов подряд, пока модель не заменили.

— Это нормально, не переживай, — Мартика снова улыбнулась, обнадеживающе. — Ну, то есть, не нормально, но поправимо. Речь постепенно восстановится в течение недели.

— Двух, — добавила Мору Каса.

Даже набирать текст с помощью нейроинтерфейса было куда тяжелее и дольше, чем обычно. Наконец я всё-таки смог сообщением спросить Мартику, что со мной случилось.

— Ну, если вкратце, случилось то, что Альянс внезапно поумнел, — ответила госпожа вождь. — Они придумали довольно оригинальный метод против наших дополненных

солдат. Честно, не хочу тебя сейчас всем этим грузить. Тебе нужно отдыхать и набираться сил. Мы обо всём позаботимся. Ты будешь под постоянным наблюдением Лиэм, она пока продолжит с тобой работать.

«Лиэм мне очень помогает. Я бы хотел, чтобы она осталась моим врачом», — написал я.

— Ну, знаешь, что... Я это учту, но мне понадобится время, чтобы снова тебя ей доверить со спокойной душой, — усмехнулась Мартика.

Не знай я, что Лиэм сидит с нами, подумал бы, что её в палате нет.

— Хочу в очередной раз напомнить, что Оникс тогда подписал информированный отказ от осмотра, — сказала Мору Каса. — В таком случае, вся ответственность...

Мартика выпрямилась и взглянула на неё через плечо. Лица госпожи вождя не было видно, но я и так примерно представлял, какое на нём сейчас выражение. Всегда жалел тех, кому доставался этот взгляд.

— Госпожа доктор, мы уже всё с вами обсудили по поводу ответственности и безответственности.

Мору Каса молча поклонилась.

Мартика снова повернулась ко мне и легко похлопала по груди.

— Мне пора. Слушай докторов и поправляйся поскорее. Это приказ.

Я отправил в ответ «Есть» и улыбнулся, насколько хвати-

ло сил. В голове царила полная тишина, и очень хотелось спать. Госпожа вождь поднялась с койки. На автомате я чуть было не потянулся вперёд, чтобы подольше удержать руку на груди, но из-за усталости не смог пошевелиться. Пожалуй, к лучшему.

В следующий раз я проснулся ночью, полностью отдохнувшим впервые за долгое время. Наверное, мне всё-таки вкололи транквилизаторы, ничем другим объяснить полное спокойствие и до сих пор не вернувшийся шум я не мог.

Лиэм спала на раскладной кровати у стены. Конечно, Мартика упоминала «постоянное наблюдение», но я всё равно удивился.

Спать не хотелось. Я собрался навести порядок в папке с сообщениями — скопились уведомления за десять дней моего отсутствия, но чтение одного-единственного заголовка письма меня настолько утомило, что я поменял планы и остаток времени до утра провёл, глядя на спящую Лиэм. Это не утомляло.

Несколько дней после этого прошли достаточно однообразно. За мной ухаживали, мыли, вели физиотерапию, брали анализы, периодически запускали отдельные системы дополнений, чтобы проверить отклик и настроить. Все вместе мои неорганические части пока не подключали. Я как будто снова стал обычным человеком. Нет, даже ещё меньше. Если медперсонал совместно с техниками решал приостановить, например, моторную активность рук, я и пальцем не

мог пошевелить. При отключении лёгких за меня дышал аппарат искусственной вентиляции; без активных аудиосенсоров обычный уровень слуха ощущался почти как глухота. Это всё могло бы меня раздражать или огорчать с непривычки, но я был слишком сосредоточен на другом. Разбирался, что же со мной случилось.

Письма, отчёты диагностики, даже внутренние новости комплекса — в гражданских СМИ, как я и думал, упоминаний не было. Я не хотел упускать ни одной детали, так что читал всё сам, без пересказа нейроинтерфейса, и из-за этого продвигался медленно. Впрочем, пока торопиться было некуда. Выписывать меня в ближайшее время не собирались.

Картина получалась следующая: есть диапазон звука, который аудиосенсоры дополненных людей воспринимают, но обрабатывают обычно в фоновом режиме. Во время моей последней миссии у солдат Альянса были при себе эмиттеры, непрерывно распространявшие конкретную последовательность волн в этом диапазоне. Звуковой шифр. Об этом и говорил с Мартикой тот незнакомый мне человек, пока я был без сознания. Я не знал, что слышал эти звуки, но аудиосенсоры всё равно их записали и потом, когда я пересматривал запись боя и анализировал собственные ошибки, я слышал их снова и снова. Пересмотр и анализ — стандартная процедура для Асигнати, и Альянс взял это в расчёт. При повторении звуков нейроинтерфейс распознавал шифр и автоматически начинал его декодировать разными методами, про-

буя разные шаги периодичности. Только декодировать там, по факту, было нечего: зашифрована была полная бессмыслица. Многократные попытки найти логику там, куда её изначально не закладывали, за короткое время полностью перегружали логические системы. Отсюда и моя головная боль, и критические сбои дополнений.

Альянс едва меня не убил, а я даже не заметил.

Если они решили применить шифр в реальном бою против одного из «драгоценностей», значит, уже успешно испытали технологию до этого. В переписке Мартики и главы технического отдела базы, где меня поставили в копию, я нашёл короткую ремарку о том, что инициированы поиск и расследование недавних подобных случаев смерти дополненных людей. К чему в итоге пришло расследование, я не знал. Других упоминаний в письмах не нашлось.

Когда пазл был собран, я написал Лиэм длинное сообщение, где пересказал всё и попросил уточнить, правильно ли я понял ситуацию. Речь ко мне возвращалась, но не на уровне для долгого и сложного разговора. Лиэм в этот момент прикрепляла к моей голове провода для электростимуляции. Она остановилась, прочитала моё сообщение и кивнула.

— Да, всё так и было.

— Причём тут тогда утренний осмотр? — спросил я.

Лиэм вздохнула и на секунду отвела взгляд. Не думаю, что ей не понравился вопрос — скорее, было неприятно в целом вспоминать.

— Мы далеко не сразу узнали про шифр, и сначала полагали, что из-за отсутствия осмотра в тот день пропустили у тебя какую-нибудь глубокую ошибку в нервной системе.

— В том, что я пострадал, могли обвинить тебя? — уточнил я.

— Не могли, а обвинили. Я думала, что это будет мой последний день в этой должности. — У Лиэм задрожали губы, и она сразу же крепко их сжала. — Мать Народа прилетела сюда и допрашивала меня лично. С ней был ещё тот биотехник из Аресибо, вдвоём с Мору Касой ей доказывал, что причина такого острого кризиса была бы заранее заметна в любом случае, с осмотром или без.

— То есть, ты не виновата ни фактически, ни юридически, — подвёл итог я. — Я ведь подписал отказ.

Лиэм скованно усмехнулась.

— Ну, у Матери Народа было немного другое мнение. Не было веских причин отказываться от осмотра, мы пропустили его, потому что я проспала, а проспала я из-за наших экспериментальных подходов... Не забивай себе этим голову. Я отделалась выговором, а ты жив и поправляешься. Всё хорошо.

Я помолчал, переваривая услышанное. Тогда мои руки были в рабочем режиме, и я протянул Лиэм ладонь.

— Я понял. Обещаю больше тебя не подставлять.

Было приятно видеть, как напряжение уходит с её лица и появляется улыбка, уже вполне живая и свободная. Лиэм

пожала мою руку.

— Договорились, Оникс.

— Когда я смогу вернуться к службе? — спросил я.

— Точно не раньше, чем тебя выпишут, — покачала головой Лиэм.

Пока я валялся в госпитале, мне каждый день делали массаж. Я не ожидал, насколько это окажется приятно. Даже не сколько лечебный эффект — хотя, конечно, разогретые мышцы и будто вставшие на место позвонки не могут не радовать, — сколько именно прикосновение другого человека к моей коже. Лёгкие закрывающие поглаживания в конце каждого сеанса быстро стали моей любимой частью. Массаж могла делать и Лиэм, она умела, я это знал, но рутинные манипуляции с телом обычно выполняют младшие медработники.

Наши сессии безопасного физического контакта к этой категории не относились, однако формат в условиях госпиталя пришлось слегка изменить. Теперь, если у меня не получалось уснуть, Лиэм придумала садиться у изголовья кровати и давать мне свою руку. Я прижимался к ней и держался, пока не засыпал.

За мной ухаживал фиксированный состав персонала, и я привык постоянно видеть их всех. В один день медсестра, делавшая мне массаж, пришла чем-то очень довольная, с необычной причёской и немного странным лицом. Думаю, в другое время мне было бы всё равно, но, изнывая от безде-

лья в палате, я обращал внимание на любые мелочи. Перед сном я спросил Лиэм о ней. Это теперь ощущалось как правильное время для нерабочих вопросов.

— Её сыну сегодня было два года, — сказала Лиэм. — И что значит «странное лицо»? Она всего лишь накрасилась.

— Накрасилась?

— Ну да, сделала макияж.

Видимо, опять попалась очередная непонятная мне сторона гражданской жизни. Мартика и в собственный-то день рождения никогда не наряжалась и никак его не праздновала. Однажды, когда я еще был её телохранителем, она просто сказала мне за завтраком: мол, сегодня я стала ещё на год старше. Я спросил, что мы будем с этим делать, и она сказала, что ничего.

— Она поедет к нему? — спросил я. Если бы я услышал «да», возможно, следующий массаж сделала бы мне Лиэм.

— Чтобы уехать, ей придётся брать неоплачиваемые дни, а она не хочет, — покачала головой Лиэм. — Она копит на первый взнос. Ну, для кредита на квартиру.

Интересно, пришлось бы мне копить, если бы я захотел купить квартиру? Или было бы, как с вендинговыми автоматами: я прихожу туда, где продают жильё, выбираю, что понравится, а мне говорят «приятного проживания, Оникс!» и протягивают ключи. С другой стороны, мне и квартира-то без надобности.

— А ты, — я повернул голову и посмотрел на Лиэм, —

копишь на что-то?

— Ну, пока что просто откладываю. Конечно, было бы здорово тоже купить себе жильё, но я хочу переехать в Деминатари, а там безумно дорого.

От её слов стало как-то неприятно.

— Ты собираешься уехать?

— Ну, не прямо сейчас, пока что это только планы. Далёкие планы. — Неясно, специально или нет, но Лиэм слегка сжала пальцами мою руку. — Может, и не уеду в итоге никуда. Ближайший год так точно.

Лиэм планирует переехать в другое место через год и жить там дальше. Медсестра планирует накопить на взнос, и кредит, как это обычно происходит, потом продолжит выплачивать её сын. Я попробовал представить, что со мной будет через год. Не получилось. Я знаю, что будет завтра — медицинские процедуры. Я знаю, что будет через неделю — меня выпишут, если сочтут состояние достаточно стабильным. После этого я вернусь к выполнению задач, и уже на первой я могу умереть. Не обязательно, и вероятность не такая большая, но мы всё же не неуязвимы, Альянс со своим звуковым шифром очень убедительно об этом напомнил. «Драгоценности», которые позволяют себе поверить в обратное, покидают строй первыми.

После смерти мои дополнения извлекут, перепрошьют и попробуют подогнать под кого-то нового. В крайнем случае, разберут на запчасти. На моё место сюда поставят, вероятно,

Ртуть или вообще законсервируют базу, а...

— Оникс, — позвала Лиэм и снова сжала мою руку, на этот раз уже явно сознательно. — У тебя пульс сильно подскочил. Что случилось?

— Всё в порядке.

Почему поднялся пульс? Я же не волновался, это всё простые очевидные вещи. И стоило ей только сжать пальцы, как желание думать о будущем пропало. У меня его нет. Нет и дополненных людей, вышедших на пенсию, среди «драгоценностей»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.